

A full-page photograph of a young man with dark hair, a serious expression, and extensive tattoos on his neck and chest. He is wearing a black leather motorcycle jacket over a white button-down shirt. He is leaning against a car in an urban setting at dusk or dawn, with blurred city lights in the background.

Милый МАЛЬЧИК

Нэтали Штиль

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Нэтали Штиль

Милый мальчик

«Автор»

2026

Штиль Н.

Милый мальчик / Н. Штиль — «Автор», 2026

«Милый мальчик» — это история Натальи, жены влиятельного и жестокого Виктора, чья жизнь — безупречная клетка из хрусталя и мрамора. Однажды чаша терпения переполняется, и её тихий бунт выливается в бурную ночь со случайным молодым человеком по имени Макс. Но эта ночь оказывается лишь началом. Страсть, ярость и отчаянная попытка вырваться на свободу заставят Наталью пойти на риск, где ставка — её жизнь. Это роман о том, как далеко можно зайти, спасая себя, и какую цену приходится платить за глоток настоящего воздуха.

© Штиль Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	8
Глава 4	9
Глава 5	11
Глава 6	12
Глава 7	13
Глава 8	15
Глава 9	16
Глава 10	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Нэтали Штиль

Милый мальчик

Глава 1

Сорок лет — рубеж, который она перешагнула с изяществом, дарованным хорошими генами и лучшими косметологами. Со стороны Наталья казалась хрупкой фарфоровой статуэткой, затерявшейся в громаде собственной гостиной. Стройная, почти миниатюрная, она всегда казалась чуть меньше, чем была на самом деле. Темные, отлитые глянцевым каштаном волосы, ровной линией спадавшие на плечи, обрамляли лицо с тонкими, уставшими чертами. И над всем этим — серые глаза. Холодные, как зимнее небо над заснеженными полями ее загородного имения, и такие же пустые.

Именно этими глазами она сейчас смотрела в панорамное окно, вмерзшая в идеальный кадр собственной жизни. За стеклом, как на ладони, лежал безупречный, до последней травинки выверенный ландшафт: изумрудный газон, беседка, увитая плетистыми розами, и длинная подъездная аллея, упирающаяся в чугунные ворота. У этих ворот, словно нарочито брошенная насмешка, стоял не ее жемчужный «Мерседес» Е-класса, а чужой, угрюмый внедорожник. Чужой, но знакомый до тошноты символ.

Воздух в доме был прохладен, напоен тонкими нотами дорогого ароматизатора с запахом лилий и сандала — еще одна деталь, продиктованная Виктором. Высокие потолки, молчаливый мрамор пола, холодный блеск металлических и стеклянных поверхностей — все это создавало ощущение не жилого пространства, а дизайнерского проекта, музея, где ей, этой хрупкой темноволосой женщине с серыми глазами, отведена роль зрителя.

В ее тонкой, почти невесомой руке холодел корпус телефона последней модели. Экран светился, выжигая сетчатку. Фотография. Часы. Точная копия тех, что тяжелым золотым обручем лежали на ее запястье. Breguet. Тот же модельный ряд, те же бриллианты-капли по ободку. Только на снимке они охватывали тонкое, почти девичье запястье с коротко подстриженным ногтем. А на заднем плане, небрежно лежащая на столе из темного дуба, была его рука. Рука Виктора. С тем самым шрамом от осколка стекла, длинной белой нитью пересекающим смуглую кожу от костяшки мизинца до запястья. Его «боевой шрам», как он любил говорить с самодовольной ухмылкой.

Это была не просто измена. Измены были фоном, надоевшим узором на дорогах обоях ее брака. Это был плевок. Подарок-близнец, методичное, расчетливое обесценивание всего, что составляло ее существование. Ее жизнь, ее статус, ее тело — все превращалось в тиражный товар, в бездушную реплику.

«Сколько их было? Пронеслось в голове, сухо, без интонации. Десять? Двадцать? И эта... с такими же часами. Как будто я — тиражная копия. С конвейера. Как будто у меня нет души, а только цена, выгравированная на бирке.»

Слез не было. Горло сжал тугой ком, но ее серые глаза оставались сухими, как пустыня. Вместо горя ее изнутри, под маской холодной красоты, заполнила знакомая ледяная пустота, а за ней — густая, черная ярость, которую она годами училась давить, запирает в самой дальней и темной кладовой своего существа. Но сегодня замок сорвало.

Ее взгляд, блуждающий по стерильной красоте комнаты, наткнулся на массивную хрустальную вазу от Lalique. Она одиноко красовалась на полированном столе из венге, подчеркивая его монументальную пустоту. Подарок на прошлую годовщину. «Как твои глаза, — сказал тогда Виктор, вращая вазу в руках. — Холодные и с изъёмом внутри».

Движение было стремительным, стихийным, рожденным где-то в глубине спинного мозга, минуя сознание. Ее хрупкая фигура напряглась, как тетива, и она взметнула руку, с бешенством сбрасывая вазу со стола. Хрусталь с диким, высоким звоном, невыносимым в этой давящей тишине, врезался в идеальную поверхность мраморного пола. Но этого было мало. Адреналиновый толчок заставил ее сделать шаг и с силой пнуть один из крупных осколков. Острый клинок пролетел через всю гостиную, царапнув лак паркета и оставив на нем уродливую черту.

Гробовая тишина, последовавшая за грохотом, оглушила. Она стояла, тяжело дыша, глядя на россыпь сверкающих осколков, усеявших идеальную белизну мрамора. В ушах стучало сердце. Это был первый за долгие-долгие годы стихийный, неконтролируемый поступок. И от осознания этого по ее стройной спине пробежал ледяной холодок страха, смешанный с пьянящей, запретной каплей свободы.

Глава 2

Она не стала переодеваться. Не стала смывать макияж, менять дорогую юбку-карандаш на что-то менее вычурное, не сняла убийственно неудобные лабутены на шпильке. Этот образ — доспехи успешной жены успешного человека — был ее униформой и ее проклятием. Пусть так и будет. Пусть этот наряд, кричащий о деньгах и неприступности, стал саваном для той женщины, что полчаса назад стояла перед окном и разбивала хрусталь. Внутри же был лишь щебень, острый и холодный, и он скребся под ребрами с каждым шагом.

Такси привезло ее в район, где уродливые советские фасады соседствовали с глухими дверями, отмеченными лишь едва заметными граффити. «Подвал» — так называлось это место. Модный, полуподпольный клуб, куда не возили иностранных делегаций и не ходили партнеры Виктора. Сюда пробиралась другая жизнь — богатая богемная молодежь, художники на содержании, модельеры-бунтари и просто те, кто искал забытья подальше от глаз.

Дверь поглотила ее, и мир сменился. Музыка обрушилась не на уши, а прямо на ребра, навязчивый, пульсирующий бит, вышибающий мысли. Воздух был густым и сладковатым от смеси сигаретного дыма, кальяна и дорогого парфюма. Свет, ядовито-розовый и синий, пробивался сквозь клубы дыма, выхватывая из полумрака обрывки лиц, блеск пирсинга, шелк распахнутых блузок, мерцание потных кож. Здесь пахло молодостью, похотью и полным презрением к тому утреннему миру, из которого она сбежала.

Наталья пробилась к бару, длинной стойке из грубого бетона, за которой суетились напряженные бармены с лицами, застывшими в маске профессионального безразличия.

— Виски, — сказала она, и голос прозвучал хрипло и чужо. — Без льда.

Первый глоток обжег горло, разливаясь по телу густым, разогревающим ядом. Она оперлась локтем о стойку, чувствуя, как каблуки чуть вязнут в липком от чего-то полу. Заказала второй, почти не делая пауз. Пьянела быстро, нарочито, с каким-то ожесточением, словно пыталась смыть с внутренних стенок налет стерильной чистоты своего дома.

Потом ее ноги сами понесли ее на танцпол, в самое пекло. Ее движения сначала были скованными, неуклюжими, будто манекен, которого дергают за нитки. Руки не знали, куда деться, плечи были напряжены. Она ловила на себе взгляды — удивленные, оценивающие, насмешливые. Сорокалетняя женщина в строгом костюме посреди этого беснующегося карнавала выглядела как обломок с затонувшего корабля.

Но потом алкоголь и всепоглощающий ритм сделали свое дело. Музыка проникла в мышечную память, в забытые инстинкты. Она закрыла глаза. И понеслось.

Она танцевала. Отчаянно, яростно, одиноко. Она бросала голову, взметала руки, выписывала бедрами сложные узоры, о которых сама не подозревала. Она не танцевала для кого-то, не искала партнера. Она пыталась вытрясти из себя призрак Виктора. Его холодные, оценивающие взгляды. Его тяжелую руку на своем плече. Его тихий, властный голос, диктующий, что надеть, что сказать, как дышать. Она танцевала, как безумная, пытаясь стряхнуть с кожи ощущение его собственнических пальцев, выжечь из памяти образ тех часов на чужом запястье.

Это был танец-саморазрушение. Танец-побег в никуда. И в такт бешеному биту, в клубах сизого дыма, она на мгновение почувствовала себя свободной. Пустой, разбитой, но свободной.

Глава 3

Мир плыл в кисло-сладком тумане виски и грохочущего бита. Наталья, с закрытыми глазами, отдавалась хаосу танца, чувствуя, как блузка прилипает к влажной спине, а каблуки вот-вот подкосятся. И сквозь этот хаос, сквозь опущенные, слипшиеся от туши ресницы, она увидела его.

Он приближался к ней не как все — не с наглой ухмылкой и наметанным взглядом охотника. Он просто возник из мерцающей дымки, словно материализовался из самого ритма. Парень. Молодой, на вид не больше двадцати пяти. Высокий, на голову выше ее даже на каблуках. Простая черная футболка, натянутая на рельефный, мощный торс, и потертые джинсы, сидящие так, что не оставляли сомнений в атлетичности его бедер. Но главное — не тело, а лицо. Резкое, с правильными, почти слишком красивыми чертами и твердым подбородком. И взгляд. Не оценивающий, не похотливый — изучающий. Любопытный и пристальный, как у ученого, нашедшего редкий экземпляр.

Он не спрашивал разрешения. Не произнес ни слова. Он просто влился в пространство перед ней и начал двигаться. Его танец был не соблазнением, а вызовом. Он зеркалил ее ритм, ее сломанную пластику отчаяния, но усиливал ее, придавая каждому жесту уверенную, почти хищную грацию. Он ловил ее взгляд и не отпускал, черные глаза притягивали, как магнит. Между ними возникло мощное, почти электрическое поле, которое было ощутимее, чем прикосновение. Оно вибрировало в воздухе, наполненном музыкой и потом. И всем своим существом он, казалось, говорил ей: «Я вижу тебя. Не твои деньги, не твой статус, не эту дурацкую юбку. А ту боль. И ту дикость, что рвется из тебя наружу».

Они не говорили ни слова. Только тела, ведя немой диалог. Дыхание, смешанное с запахом дорогого виски с ее стороны и свежего пота — с его. Он приблизился, сократив дистанцию до минимума. Теперь она чувствовала исходящее от него тепло, как от раскаленной печки. Его рука нашла ее талию — не обнимая, не притягивая, а просто фиксируя. Широкой, твердой ладонью он обхватил ее бок, большой палец уперся чуть ниже ребер. Это было владение. Заявление.

Его губы коснулись ее уха, губы обжигаяще горячие на раскаленной коже. Музыка заглушала все, но его голос, низкий, хриплый, проник прямо в мозг, в кости.

— Ты здесь одна, чтобы сбежать? — прошептал он. Его дыхание обожгло ее шею.

У нее перехватило дыхание. Слова застряли в гортани, сдавленные тисками стыда, возбуждения и виски. Она смогла лишь кивнуть, коротко, почти не заметно, чувствуя, как ее затылок касается его плеча.

Его рука на талии чуть сильнее прижала ее к себе, позволив ей почувствовать всю твердую мышечную мощь его тела. Это не было грубо. Это было... неизбежно. Как прибой, накатывающий на берег. И в этом движении был вопрос и ответ одновременно. Он прощупывал границы, и она, своим молчаливым согласием, эти границы стирала.

Глава 4

Его рука, большая и горячая, сомкнулась вокруг ее запястья. Не жестко, но неоспоримо. Он не тянул, а просто повел, и она пошла, послушная, ведомая не разумом, а каким-то древним, животным инстинктом, затуманенным виски. Ее ноги, ватные от алкоголя и адреналина, едва несли ее по липкому полу, мимо мелькающих теней и грохочущих колонок.

Он толкнул тяжелую дверь, и их накрыла волна относительной тишины, оглушительной после зала. Воздух в туалете был густым и едким — едкая хлорка пыталась перебить сладковатую вонь мочи, дорогого парфюма и чего-то затхлого, гнилостного. Свет здесь был резким, люминесцентным, выбеливающим лица и выставляющим напоказ каждую трещинку на кафеле.

Он без раздумий направился к дальней кабинке, толкнул дверь, втолкнул ее внутрь. Щелк замка прозвучал оглушительно громко, как приговор, отсекающий последний путь к отступлению.

Пространство было тесным, душным. Он резко развернул ее и прижал спиной к прохладной, липковатой двери. Прежде чем она успела издать звук, его руки грубо впились в ее волосы, откинув голову назад. Его поцелуй обрушился на нее — не ласковый, не вопрошающий, а жадный, властный, животный. Губы его были твердыми, язык настойчивым, с горьковатым привкусом виски и чего-то своего, дикого, мужского. Это был поцелуй-поглощение.

Одной рукой он все еще держал ее за волосы, а другая принялась расстегивать ее шелковую блузку. Пуговицы со звоном отскакивали от кафельного пола.

— Как тебя зовут? — его шепот был хриплым, губы скользнули по ее шее к обнаженному плечу.

Она, задыхаясь, ее пальцы нашли его ремень. Пряжка с громким, решительным щелчком расстегнулась.

— Неважно, — выдохнула она, и это была правда. Имена, лица, биографии — все это не имело значения в этом вонючем склепе.

Он не тратил времени на ласки, на прелюдии, на ложную нежность. Его рука грубо задрала ее юбку, упругий шел скользнул вверх по бедрам. Кружевные трусики он стащил одним резким движением вниз, до колен. Ее тело, предательски, отозвалось влажной, пылающей готовностью. Стыд пылал на ее щеках, но плоть кричала «да».

Он вошел в нее резко, без предупреждения, одним глубоким, почти болезненным толчком, заполнив ее всю. Ее сдавленный стон он поглотил своим ртом. Это не было любовью. Это была ярость, выплеснутая через плоть. Ее ярость на мужа, на себя, на всю свою жизнь, и его — дикая, первобытная сила. Ее ногти впились в его спину, сквозь тонкую хлопковую ткань футболки, цепляясь за рельеф мышц. Пальцы другой руки впились в его плечо, чувствуя, как под кожей играет сталь. Ее ноги сами обвилились вокруг его бедер, позволяя ему проникать еще глубже, принимая каждый жесткий, отчаянный толчок.

Слышен был только их прерывистый, хриплый вой дыхания, пронзительный скрип дверных петель и ее приглушенные, сдавленные стоны, которые он выбивал из нее каждым движением. Он кончил с низким, гортанным стоном, вдавив ее в дверь всем своим весом, и она почувствовала, как внутри нее пронзительно и горько пульсирует ее собственный оргазм, смешиваясь с болью от жесткой двери, с головокружением от алкоголя и падением в бездну.

Все замерло.

Он отступил первым, его дыхание все еще частое. Молча, отводя взгляд, он поправил одежду, застегнул джинсы. Она осталась прислоненной к двери, пытаясь отдышаться, не в силах поднять на него взгляд. Ее грудь вздымалась, шелковая блузка висела разорванной, обнажая плечо, на нем уже проступали красные следы от его щетины. Макияж был размазан, тем-

ные подтеки туши вокруг глаз, смазанная помада. Прическа разрушена. На дорогом шелке расплывалось темное пятно — то ли от пота, то ли от чего-то еще.

Он потянулся к щеколде. Дверь со скрипом открылась, впуская удар басовой линии из зала.

— Береги себя... — бросил он через плечо, и его голос прозвучал странно отстраненно, почти насмешливо.

И он ушел. Шаги его затихли почти мгновенно.

Она осталась одна. В вонючей, освещенной мертвенным светом кабинке, с растрепанной душой и телом, которое гудело, ныло и пахло чужим потом, чужим сексом, ее позором. Ноги вдруг подкосились. Она медленно, как в замедленной съемке, сползла по двери на холодный, грязный пол. Подтянула колени к подбородку, обхватив их дрожащими руками. И только тогда, упрятав лицо в колени, глотая затхлый воздух, в такт приглушенному, все еще бьющему по стенам басу, она начала тихо, безнадежно плакать.

Глава 5

Ее разбудила не мелодия будильника, а тупая, раскатистая боль в висках, пульсирующая в такт замиравшему в памяти ритму. Казалось, внутри черепа молотком били по наковальне. Рот был полон песка и отдавал прокисшей желчью и виски. Она лежала на своем краю огромной супружеской кровати, на стерильно-белом белье, такое же неподвижное и холодное, как труп. Спальня, залитая утренним солнцем, сияла безупречной, выхолощенной чистотой. Лучи, падающие под идеальным углом, казались ей назойливыми, обличающими прожекторами, выставляющими напоказ каждую частицу ее падения.

Она сделала первый, мучительный вдох, и волна запахов ударила в нос, заставив сжаться желудок. От нее пахло застарелым потом, перегаром и чем-то чужим, едва уловимым, но невыносимым — сладковатыми нотами мужского парфюма, въевшимися в кожу. Этот чужой, похабный запах в ее идеальной, пахнущей свежим бельем и дорогим лаком спальне был кощунством. Осквернением.

Она попыталась пошевелиться, и тело ответило пронзительной болью. Все кости и мышцы ныли, словно ее действительно избили. Спина горела огненной полосой — память о жесткой двери в туалетной кабинке. На внутренней стороне бедер, на нежной коже, проступали синеватые следы — отпечатки его цепких, сильных пальцев. Она доползла до края кровати и, держась за тумбочку, поднялась на дрожащие ноги.

И увидела себя в огромном зеркале в раме из венге. Отражение было ужасным. Макияж превратился в грязные разводы — черные кольца вокруг запавших глаз, размазанная помада, придавшая лицу вид трагической маски. Лицо было серым, землистым, черты заострились от усталости и похмелья. Шелковая блузка, вчера еще кричащая о статусе и деньгах, висела на ней скомканным, заляпанным тряпьем. Она выглядела так, будто ее вывернули наизнанку, обнажив все самое грязное и постыдное.

«Что я натворила? Господи, что я сделала?»

Мысли путались, накатывая обрывками кадров, как плохо смонтированный клип. Ослепительные вспышки стробоскопов. Оглушительный удар басов, отзывающийся в самой гулкой пустоте внутри. Горячее, влажное дыхание на шее. Хриплый шепот. Пронзительный скрип дверных петель. И его тело, вдавливающее ее в холодную поверхность.

Чувство стыда было таким острым, физическим, что хотелось выдрать кожу, сжечь себя заживо. Исчезнуть. Но под этим слоем пепла тлел другой, постыдный жар — живое, предательское воспоминание об оргазме, смешанном с болью. Об этой животной силе, что на миг выжгла из нее все мысли, оставив только чистое, дикое ощущение.

Она почти побежала в ванную, срывая с себя одежду. Повернула кран душа до упора, пока из лейки не хлынула почти кипящая вода. Она зашла под струи, и они обожгли кожу, но она не чувствовала боли — только потребность смыть. Смыть этот запах чужака, следы его прикосновений, память о его взгляде и собственном унижении.

Она стояла, сгорбившись, свернувшись калачиком под обжигающими струями, пытаясь стать меньше, спрятаться, раствориться в воде и пару. Но память была сильнее кипятка. Она оставалась с ней. Цельной, невыносимой и неизменной.

Глава 6

Она вышла из душа, но ощущение скверны не исчезло. Оно въелось глубже кожи, в самую суть. Движения ее были механическими, отточенными годами безупречного ритуала. Дорогой крем для лица, густой и бархатистый, лег на кожу, не смягчая ее напряженной жесткости. Маскирующее средство под глаза ложилось ровным слоем, но не в силах было скрыть пустоту, зияющую в глубине зрачков. Она смотрела в зеркало на отполированную, безупречную маску, за которой пряталось изуродованное стыдом лицо. Макияж был идеальным. Душ — горячим. А грязь — внутри.

Она надела простые, на первый взгляд, домашние штаны и футболку из мягчайшего кашемира. Без логотипов, без кричащих деталей. Но кутюр. Даже в своем падении, в своем унижении, она обязана была соответствовать. Быть безупречной. Даже здесь, в четырех стенах, где ее никто не видел. Это был последний оплот ее рухнувшей идентичности.

Сделав глубокий вдох, она вышла из спальни, чтобы встретиться с последствиями своего второго, забытого в угаре позора бунта.

И увидела их. Осколки. Россыпь хрустальных слез на ослепительно-белом мраморе пола гостиной. Удар под дых. За ночь адреналина, виски и животного инстинкта она успела забыть и об этом. Ее восстание вчера было двойным: против мужа — телом в грязном туалете, и против его власти — здесь, в его идеальной крепости, разбитой вазой.

Она опустилась на колени, и это простое движение отозвалось ноющей болью в мышцах — еще одним немим укором. Двадцать один год. Столько она прожила с Виктором, с тех пор как девятнадцатилетней девочкой вышла за него замуж. Он был ее первым. И, несмотря на его бесчисленные измены, на унижения, которые стали фоном их брака, она — своим телом, самой своей плотью — оставалась верной. Это была ее последняя крепость, единственная территория, где она могла считать себя чистой. И теперь она пала. Тот поступок в вонючей кабинке был настолько чудовищно не свойствен ей, так радикально чужд, что даже сейчас, глядя на свои дрожащие руки, она не могла поверить, что это была она. Казалось, это сделала не она, а какая-то другая, обезумевшая женщина, вселившаяся в ее кожу на одну ночь.

Осторожно, как сапер, она стала собирать осколки. Каждый сверкающий клинок был вещественным доказательством ее ненормальности, ее вышедшей из-под контроля ярости. Они впивались в пальцы, оставляя крошечные порезы, словно наказывая за содеянное. Она собрала все до единого, завернула в старую газету — словно хоронила улику преступления — и выбросила.

Потом взяла тряпку и принялась вытирать пол. Вода с моющим средством смывала невидимые следы, полируя поверхность до первоначального, стерильного блеска. Она водила тряпкой по кругу, снова и снова, с почти маниакальным упорством. Она восстанавливала порядок. Наводила чистоту. Как заклинание, которое должно было вернуть все на свои места — осколки в целую вазу, ее саму — в покорную, холодную женщину с пустым взглядом.

Но когда пол засиял, как новый, и в гостиной воцарилась мертвая, вымороженная гармония, она поняла. Трещина прошла не только по мрамору. Она прошла по ее жизни. И никакая тряпка, никакая крем и никакая кашемировая маска не могли ее скрыть. Порядок был восстановлен. И от этого стало только страшнее.

Глава 7

Тишину разрезал рык двигателя, затихший под окнами. Затем — щелчок, металлический, отчетливый. Ключ в замке парадной двери. Не просто звук, а властный аккорд, возвещающий возвращение хозяина. Наталью пронзила ледяная струя, пробежавшая от копчика до затылка. Сердце на миг замерло, словно пытаясь спрятаться, а потом рванулось в бешеную, неровную скачку, отдаваясь в висках. Он вернулся раньше. Нарушил привычный распорядок. Это всегда было дурным знаком.

Дверь открылась, и в пространство дома вошел он. Не просто человек, а явление, несущее с собой смену атмосферного давления. Виктор. Безупречный деловой костюм от Tom Ford, облегавший его подтянутую фигуру, белоснежный воротник рубашки, идеальная, будто выточенная из дорогого дерева стрижка. Он входил не как в родной дом, а как ревизор на стратегический объект. Его холодные, светлые глаза, не задерживаясь на ней, скользнули по прихожей, по гостиной, выискивая малейший изъян, пылинку на полированном лаке, пятнышко на идеальной поверхности. От него тянулся шлейф — смесь дорогого, сдержанного парфюма, запаха самолета и безошибочно узнаваемого аромата неограниченной власти.

Его взгляд наконец упал на нее. Задержался на лице, на ее безупречном, но мертвенном макияже.

— Что с тобой? — его голос был ровным, без единой эмоциональной ноты. — Выглядишь ужасно. Опять твои мигрени?

Тон был отточенным лезвием. Это не была забота. Это было обвинение. Ее возможное недомогание — личная обида ему, сбой в работе его имущества.

Наталья почувствовала, как предательская дрожь подкатывает к горлу. Она сглотнула, заставив голос звучать ровно, но тише обычного.

— Да...просто не выспалась.

Он не стал удостаивать это ответом. Прошел мимо в гостиную, снял пиджак и аккуратно повесил его на спинку стула. Говорил, глядя в окно, не удостаивая ее взглядом.

— Приберись здесь. И приведи себя в порядок. Вечером гости.

Он обернулся, и его глаза, наконец, встретились с ее. В них не было вопроса, только констатация факта.

— Сергей прилетает из Лондона. С сыном. Помнишь его? Не важно. Организуй нам ужин, чтоб все красиво.

Каждое слово было кирпичиком в стене приказа. Он не спрашивал, он информировал. Не предлагал, он указывал. Мир, в котором он существовал, был миром односторонних решений.

Она просто кивнула, сжимая пальцы в кулаки так, что ногти впились в ладони. Единственный способ скрыть дрожь — превратить ее в боль. Гости. Еще один спектакль, еще один вечер в костюме счастливой жены, улыбок и легких разговоров. Быть марионеткой всегда было больно, но сейчас, когда внутри все было разбито и перепахано, это обещало быть настоящей пыткой.

Виктор развернулся и ушел в свой кабинет. Дверь захлопнулась с коротким, властным щелчком, похожим на выстрел.

Наталья осталась стоять посреди безупречно чистой гостиной. Солнце играло на начищенной до зеркального блеска поверхности стола. Все было на своих местах. Порядок. Контроль. Вчерашняя ночь, тот побег в дикость и саморазрушение, казалась сейчас сном, прозрачным и нереальным. Она поняла: она не сбежала. Она просто на мгновение выскочила из клетки, и ее тут же, грубо и решительно, загнали обратно, захлопнув дверь у нее перед носом. И теперь ей предстояло ужинать с «друзьями», улыбаться и разливать суп, пока все ее нутро кричало от стыда, ярости и боли.

Она медленно поднесла дрожащие пальцы к губам. К губам, которые еще помнили жадный, соленый вкус чужого поцелуя.

Глава 8

Наталья стояла перед гардеробной, но вместо рядов безупречной одежды перед глазами плавало одно лишь пятно. То самое, жирное и темное, на шелковой блузке, которое она вчера с таким ожесточением оттирала, словно могла стереть вместе с ним и память. Тело ее отзывалось на каждое движение глухой, тошнотворной волной. Голова гудела не только от вчерашнего виски, но и от накатившего отчаяния — это была похмельная ломка всей ее жизни, и никакая таблетка не могла ее унять.

Она механически протянула руку и сняла с вешалки строгое платье-футляр темно-синего цвета. Цвет морской глубины, верности и непроницаемости. Ее доспехи. Она надела его, и плотная ткань, как панцирь, сжала ее тело, скрывая синяки на бедрах и дрожь в коленях. Села перед туалетным столиком. Кисть с тональным кремом скользнула по коже, замазывая не только синеву под глазами, но и следы бессонной ночи. Пудра, румяна, ровные стрелки. Идеальный макияж. Маска безупречности, под которой ее настоящее лицо трещало по швам, готовое рассыпаться в клочья.

Из гостиной, сквозь закрытую дверь, донесся низкий, властный голос Виктора. Он уже здесь, в своей стихии, отдавал распоряжения домработнице насчет вина к ужину.

— ...Бордо того года, ящик из нижней кладовой. И проследи, чтобы бокалы были соответствующие.

Каждое его отчеканенное слово было гвоздем в крышку ее гроба спокойствия, вбиваемым с мерной, безжалостной точностью.

Она открыла ящик тумбочки, достала бутылку с таблетками. Одну таблетку от головной боли она сунула в рот и записала водой из хрустального стакана. Вторую, а за ней и всю тубу, быстро сунула в вечернюю клатч. Ее «мигрень» сегодня будет как никогда кстати. Спасением. Оправданием для бледности и возможного онемения.

Сделала глубокий вдох, держась за спинку стула. Вдох-выдох. Еще один. Затем подняла подбородок, расправила плечи. На ее лице, как по волшебству, появилось легкое, почти беззаботное выражение. Уголки губ приподнялись в намеке на улыбку. Глаза, еще секунду назад полые от ужаса, теперь сияли ровным, спокойным светом.

Она посмотрела на свое отражение в зеркале. Безупречная, собранная, красивая женщина. Жена.

И, сделав последний шаг к двери, Наталья вышла из спальни, чтобы спуститься вниз. На свою собственную казнь.

Глава 9

Все было готово к идеальному вечеру. В доме пахло свежее испеченным хлебом и цветами, хрусталь сверкал под светом люстры, а Наталья стояла рядом с Виктором, застывшая в своей роли, с легкой, приветливой улыбкой, выжженной на лице. Каждая мышца ее тела была напряжена до дрожи, но внешне — лишь безупречное спокойствие.

Дверь открылась. Первым вошел Сергей — седеющий, импозантный, в отлично сидящем пиджаке. Его улыбка была теплой, но в уголках глаз читалась усталость, знакомая всем, кто долго жил в одном мире с Виктором. Он обменялся с хозяином крепким, мужским объятием.

И тогда шагнул вперед он.

Парень из клуба. Но не тот, которого она помнила. Не хулиган в черной футболке, пахнущий потом и бунтом. Перед ней стоял молодой человек из их круга. Темные брюки-чинос, безупречная белая рубашка с расстегнутым на две пуговицы воротником, открывавшим сильную шею. Подкатанные рукава обнажали мускулистые, загорелые предплечья с выступающими венами — единственная деталь, напоминавшая о его физической силе. Он выглядел... иным. Наследником. Уверенным в себе, немного скучающим, безупречно воспитанным. Но глаза... Глаза были теми же. Черными и пронзительными, видевшими насквозь. Они скользнули по Виктору, по отцу, и на долю секунды остановились на ней.

Мир перевернулся.

Воздух вырвался из ее легких бесшумным спазмом. Звуки — смех Виктора, приглушенные шаги в прихожей — утонули в нарастающем гуле в ушах. Она почувствовала, как кровь одномоментно отливает от лица, оставляя кожу ледяной и покалывающей, и тут же приливает обратно, обжигающим, стыдливым румянцем. Ее ладони внутри сжатых кулаков стали мгновенно влажными. Пахучие воспоминания накатили волной: едкий хлоркой, его горячее дыхание, соленый вкус его кожи. Ноги стали ватными, и она едва уловимым движением перенесла вес, чтобы не качнуться.

Их взгляды встретились. Всего на миг. Но в этом миге поместилась целая вечность падения. В его глазах мелькнула не просто вспышка узнавания. Это было что-то мгновенное, хищное, триумфальное. Он узнал. Не просто увидел женщину с вечеринки, а узнал ту самую, с размазанной тушью и разорванной блузкой, ту, что сползла по двери вонючей кабинки на пол. И этот взгляд был страшнее любого слова. Но так же быстро, как и появился, он погас. Его лицо стало гладким, вежливым, абсолютно ничего не выражающим. Маска была надета безупречно.

Сергей жестом представил их.

— Наташа, знакомься, мой сын, Максим. Макс, это Наталья, жена Виктора.

Макс сделал легкий, почтительный кивок. Его голос прозвучал ровно, холодно, без единой узнаваемой нотки.

— Очень приятно.

Она заставила свои губы шевельнуться. Голос сорвался, тихий, едва слышный хрип, который она выдавила из пересохшего горла.

— Добро пожаловать.

Виктор, ничего не замечая, хлопнул Сергея по плечу, разряжая атмосферу.

— Ну, проходите, не стойте в дверях! Макс, я тебя в прошлый раз видел пацаном! Вот это превращение!

Гости двинулись в гостиную, а Наталья осталась стоять на мгновение, прикованная к месту. Ее сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь глухими ударами в висках. Она чувствовала его запах. Тот самый, смешанный теперь с дорогим парфюмом. Он был здесь. В ее доме. И ее аккуратно построенный за ночь хрупкий мирок рухнул в одно мгновение, оставив лишь щебень и оглушительный звон в ушах.

Глава 10

Стол был безупречен: тончайший фарфор, бокалы для трех видов вина, серебро, отливающее матовым блеском. Аромат трюфелей и поданного к рыбе сотерна витал в воздухе, но не мог перебить главного — воздух трещал от напряжения, густого и тягучего, как смола. Наталья сидела, выпрямив спину в прямой, деревянный прут, каждый мускул был напряжен до боли. Она чувствовала себя актрисой на сцене, где любая фальшивая нота могла стоять жизни.

Виктор разыгрывал роль хлебосольного хозяина и примерного семьянина. Его смех был чуть громче обычного, жесты — чуть шире. Но для знающих глаз этот спектакль был прозрачен. Его внимание к Наталье было отточенным оружием. Когда она, собравшись с духом, попыталась поддержать разговор Сергея о новой выставке в ГМИИ, Виктор мягко, но неотвратно перебил ее, переводя тему на курс акций. Его рука, лежавшая на ее стуле, не была нежным жестом; это была цепь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.